

В котле общего знания

Марк Найдорф ¹

Аннотация: В этом эссе автор исследует природу, типы и эволюцию знаний, акцентируя внимание на различиях между институциональным и общим знанием. Обсуждается различие в происхождении научного знания, которое формируется через рефлексию эксперимента, и общего знания, которое базируется на коллективном опыте, очевидности, и верифицируется общим согласием. Рассматриваются некоторые формы общего знания: «рецептурные» знания, передаваемые через инструкции, знания, удерживаемые в практических навыках, а также «вещные» знания, воплощенные в объектах материальной культуры. Автор подчеркивает роль медиа в формировании общего знания, отмечая их способность внедрять представления как самоочевидные. Обсуждаются также изменения в формах знания в связи с развитием техники, а также изменения в знании человеком себя и окружающего мира.

Ключевые слова: общее знание, общий (коллективный) опыт, рецептурное знание, вещное знание, знания-представления

*We do not learn from experience. We learn
from reflecting on experience.*

*Мы учимся не на опыте; мы учимся,
размышляя об опыте.*

Джон Дьюи ²

1. Научное и другое знание

Обычно, когда говорят о знаниях, берут в пример знания научные. Всё верно. Знания, которые производит наука, обладают наилучшими товарными

¹ Марк Исаакович Найдорф — канд. филос. н., доцент. Научные интересы: теория культуры, современная массовая культура, история и теория музыкальной культуры. Работал в должности доцента кафедры культурологии Одесского национального политехнического университета. Книги и статьи М. Найдорфа размещены на авторском сайте «Культуролог Марк Найдорф. Тексты» <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/>.

² Эту мысль традиционно приписывают Джону Дьюи.

свойствами: это достоверные, надёжные, хорошо «упакованные» в языковом отношении и универсально применимые сведения о свойствах различных природных, технических и социальных объектов. И наоборот, если знания не соответствуют указанным параметрам, то они считаются ненаучными.

Происхождение научных знаний иногда представляется чем-то, что можно сравнить с удачной охотой или с промыванием золотоносного песка. И в том и другом случае нечто уже существует, но до времени скрыто, и задача состоит в том, чтобы его обнаружить и присвоить. В такой перспективе знание тоже кажется существующим до его научного открытия. Итог напряженного квалифицированного научного труда представляется со стороны чудесным скачком: открытие случилось, знание «открылось» — по модели «открытия Америки», существовавшей, разумеется, до открытия европейцами американского континента. Между тем, наука, этот специфический для эпохи Нового времени институт производства и хранения знаний, делает открытия не «чудесами», а особой технологией — экспериментом.

Догадываясь о существовании какого-либо неизвестного еще устойчивого взаимодействия, ученый придумывает рамочные условия, в которых предполагаемое может быть очевидным образом вычленено, как говорят в таких случаях, продемонстрировано. Если это удастся, то такое взаимодействие описывают на специальном, чаще всего математическом, языке. Конкретное событие, состоявшееся в ходе научного эксперимента, подвергают математической рефлексии, чтобы выявить в физически реальном процессе его смысловую часть, которая может удержана в математически-абстрактной форме и представлять описанное взаимодействие для любых практических нужд. Так создается научное знание.

Но на взгляд «со стороны» наука представляется немного иначе. В околонульном фольклоре существует предание об опыте Галилео Галилея, который в 1589 году поднялся на Пизанскую башню и уронил оттуда одновременно пушечное ядро и мушкетную пулю. Толпа свидетелей видела, что два этих предмета упали на землю одновременно. Таким способом, согласно легенде, Галилей продемонстрировал *urbī et orbī* существование постоянной величины — ускорения свободного падения³ и опроверг бытовавшее с древних времён предубеждение, что тело большего веса должно было бы приземлиться раньше, чем более легкое.

Фольклор, как ему и положено, веками хранит эту сцену, закрепив за ней парадигматическое значение. Легендарная демонстрация Галилея представлена по образцу мифа: основополагающий акт был совершен публично, чтобы обнажить неоспоримую истину, утвердив её в общем знании

³ Ускорение свободного падения — это ускорение, которое приобретают все тела при свободном падении вблизи поверхности Земли независимо от их массы.

однажды и навсегда. Точно так же общее знание хранит веру в то, что яблоко, якобы упавшее на голову Ньютона, внезапно надоумило его сформулировать Закон всемирного тяготения. Или, что Менделееву повезло увидеть свою таблицу во сне.

В общем знании истина является человеку. При том, что сама истина должна быть наглядной — это условие, важное для включения в общее знание. Если две упряжки лошадей «на глазах изумленной публики» не в силах разомкнуть медные полушария после того, как из образовавшейся между ними полости выкачан воздух, то это происходит, как объяснил Торичелли, потому что их сжимает атмосферное давление.

Но эта демонстрация, такая же, впрочем, легендарная, как и пизанская демонстрация Галилея, не была собственно научным экспериментом. Общим не хватало измерения. Потому-то Галилей-учёный в тиши лаборатории в интересах той же физической проблемы измерял расстояние, которое разные шары, катящиеся по наклонной доске, преодолевали за равные промежутки времени. А Торичелли изобрел барометр и с его помощью измерил постоянную высоту ртутного столба при нормальном атмосферном давлении. Так оба получили из своих опытов знания научного формата.

По сути своей научное знание представляет собой отделяемую и пригодную для трансляции в языковой форме смысловую часть научного эксперимента. Общее знание не нуждается в эксперименте: оно складывается из множества фрагментов, осмысляющих общедоступные явления средствами очевидной наглядности.

2. «Рецептурное» знание

Общее знание существует на тысячелетия раньше науки. Это, по преимуществу, практическое знание. Оно происходит из общего опыта оперирования реальностью, которая «дана в ощущениях» (а не в словах) и которую можно измерить и сосчитать. В общем знании реально то, что очевидно и что можно посчитать. В некие давние времена о дистанции между двумя пунктами говорили, что они находятся, к примеру, «на расстоянии трёх дней пути»; считали, чем могли, но вполне реальным. Теперь это же расстояние считают количеством реально преодоленных километров. Даже религиозные воззрения в разные времена были тесно ассоциированы с реально осязаемыми священными «объектами культа» (амулеты, идолы, книги, изображения и т. п.).

В «Царе Эдипе» Софокла чисто природные топосы — горы Парнас и Киферон — обладают собственной божественностью, к ним обращаются как к божествам. Но если персонаж трагедии покидал пределы достоверного присутствия, он утрачивал реальность существования.

«Креонт, отправленный Эдипом в Дельфы, как бы пропал, его ждут, но не знают, где он. Вернувшийся с вестью Креонт является

иным, чем отправлялся – как будто он вернулся с «того света». Тиресий тоже является по вызову Эдипа с опозданием. И пока его ждут, допускают, что его, возможно нет в живых.»⁴

В общем знании цифровые показатели — индикативные, а не аналитические (как в формулах). Сказать «он болен, у него жар» почти то же самое, что «у него температура 38 градусов». Сказать, что сегодня душный день, почти то же самое, что сказать, сегодня влажность воздуха почти 100%. Количественные уточнения привлекают, чтобы акцентировать реальность происходящего. Так что распространение в обычной жизни измерительных приборов — хронометр, термометр, барометр, спидометр, манометр и т. п. — не превращает повседневность в сферу науки; тут присутствует знание другого типа. Его можно назвать знанием прямого действия. Оно сообщает о том, как следует поступить в измеренном случае (в соответствующей ситуации): «если у больного температура выше, чем 38 градусов, то следует...», «если „барометр падает“, готовьтесь к дождю».

Типичная структура такого знания позволяет описать его еще как знание «рецептурное». По модели пошагового кулинарного рецепта: «возьмите два яйца, стакан муки... тщательно размешайте... выпекать при температуре». Рецептурное знание распространено намного шире, чем может показаться. Например, сложный химический анализ на нефтеперерабатывающем заводе выполняют тоже на основе структурно пошаговой инструкции, т. е. такого же рецептурного знания.

Одна из форм повседневного обмена званьями — советы, которые люди дают друг другу, часто, в рецептурной оболочке.

3. Институциональное знание

Знание, понимаемое как результат экстракции смысла из опыта, можно обнаружить в основе любой институции. В религии — свой религиозный опыт, свой язык и своё знание. Военский устав — другое знание, извлечённое из другого опыта и закреплённое другим, весьма своеобразным языком (со своими терминами и их взаимной совместимостью). Конституции, кодексы, инструкции, правила и т. п. — всё это формы закреплённого знания, извлечённого из той или иной социальной практики и имеющего в рамках соответствующего института высокий принуждающий статус. Двух примеров может быть достаточно здесь для иллюстрации.

Знание, закреплённое в форме «казуса». Историк права пишет:

«Римская юриспруденция зарождалась исключительно как наука практической направленности. По мере рассмотрения

⁴ Найдорф, 2024, с. 96.

одинаковых споров и принятия большого числа аналогичных судебных решений, римские правоведы стали формулировать образцовые (типичные) казусы. Образцовый казус представлял собой модель решения типичного юридического спора, возникшего при одинаковых или сходных фактических обстоятельствах. Классическим примером образцового казуса является случай, когда один из соседей (назло другому) строит на своем участке высокую стену, которая либо затеняет часть соседнего участка с посадками, либо полностью загораживает вид из окна соседа. Такое осуществление права признавалось недопустимым, и злобный сосед обязывается за свой счет разобрать стену.»⁵

Второй пример — институциональное знание, закрепленное в форме футбольного устава.

«В 1884 году британский клуб „Аптон Парк“ выдвинул официальное обвинение в поощрении профессионализма против клуба „Престон“. Этот случай привлек внимание широкой общественности. Президент и менеджер „Престона“ публично признал, что его клуб платит своим игрокам, но при этом он заявил, что может доказать, что подобная практика существует почти во всех сильнейших клубах Ланкашира и Центральных графств. „Престон“ был дисквалифицирован на сезон и отстранен от участия в Кубке Англии, но руководство футбольной Ассоциации должно было признать, что реальность диктует свои условия. На следующем собрании комитета его председатель заявил, что „пришло время легализовать профессиональный футбол“. Не все члены комитета были с этим согласны. Страсти бушевали почти полтора года, но в итоге профессиональный футбол все же был легализован.»⁶

В принятых выше терминах: из опыта оплаты участия в играх было извлечено специфическое правовое знание, позволившее единообразно воспроизводить отношения команд и их игроков.

Каждый социокультурный институт (юриспруденция, образование, спорт, религия, искусство, государственное управление и т. д., наука — один из них) удерживает специфический язык и содержание «своих» знаний, потому что без сохранения и применения специфического корпуса профессиональных знаний институции распадаются. Непрофессиональная «обычная» жизнь регулируется внеинституциональным общим знанием.

⁵ Малиновский, 2022, с. 24.

⁶ См.: Футбольная энциклопедия 2000, n.d.

4. Коллективный опыт

Знание происходит из опыта, и оно служит средством воспроизведения этого опыта. Знание в конечном счете есть знание процедуры. Как выстроить дом, как выплавить сталь, как доехать туда, куда нужно, как рассчитать мост, подъемную силу крыла самолета, урожай с данного поля и т. д. — всё это и многое другое надо знать. Для трансляции таких знаний существуют специализированный институт образования – общего, специального, высшего и т. п.

Знание, которое не предназначено для того, чтобы им пользоваться для воспроизводства опыта, в обиходном словоупотреблении называют информацией. Институтация, которая занимается ее распространением, это — media. Примеры медийной информации нет нужды приводить: их каждый день можно найти в разделах «новостей».

За пределами институций, с которыми современный человек взаимодействует, временно подчиняясь их правилам (когда, например, покупает билеты на самолёт, регистрирует брак или поступает в университет), есть еще сфера свободного потребления. «Свобода» здесь значит, что в роли потребителя (покупателя, пользователя) современный человек может выразить свою волю. Здесь он берёт на себя ответственность за выбор предмета потребления, сообразуясь с его предназначением, качеством, ценой, а иногда и способом приобретения (дистантно или контактно, в кредит, в рассрочку платежа и т. п.).

Например, человек решает, какую стиральную машину выбрать и где ее лучше купить. В момент выбора он нуждается в соответствующих знаниях. Эту нужду обычно претендуют удовлетворить окружающие его друзья и знакомые, а также анонимные интернет-рекомендации и реклама. Предлагаемые советы основаны на знании, извлеченном из собственного опыта и опыта других людей, т. е. на знании общем — по его происхождению и применению. В своей проблемной ситуации люди часто предпочитают как раз такое знание: то, которое разделяют многие, кажется более надежным («все говорят»). Но рынок подвижен, коллективный опыт довольно быстро становится нерелевантным, появляется новый — и из него новые знания. По свойственному им непостоянству кратковременные общие знания называют общим мнением.

Доверие к потребительскому общему знанию вполне обосновано, поскольку множество людей независимо друг от друга «на себе» непрерывно тестируют его практическую применимость. И рефлексия этого потребительского опыта выражается в неспецифическом «человечном» языке, фиксирующем меру удовлетворения потребности преимущественно прилагательными: «удобный – неудобный», «комфортный – некомфортный», «дорогой – недорогой», «надёжный – ненадёжный», «модный – немодный» и т. д. Эти и другие индикаторы товарных свойств служат своего рода «указателями» в пространстве потребительского выбора, регулируемого общим знанием.

5. «Вещные» знания

Любая вещь, имеющая «человеческое» происхождение, оказывается медиатором безличной коммуникации между ее создателем и потребителем. Как правило форма вещи диктует ее назначение и способ употребления. Впрочем, можно и увернуться: существует мем о парадоксальном использовании микроскопа в качестве молотка. Но в норме каждый предмет в руках человека предопределяет форму активности. Ложка и вилка — носители разных активностей.

За триста с лишним лет существования фортепиано оно многожды изменялось конструктивно, и каждое нововведение направлялось опытом его использования. В этом смысле современная конструкция рояля — это суммирование бесчисленных опытов его применения и соответствующих знаний, но воплощенных не в языке, а в форме этой вещи. Для игры на музыкальном инструменте недостаточно знать принцип и устройство, нужно еще, как говорят, приспособиться к нему. То есть как бы «телесно считать» такие свойства вещи, которые резюмировали опыт её использования в прошлом, но не получили языкового закрепления.

Так и вождению нельзя научиться, освоив только дорожные правила и конструкцию автомобиля. Нужна еще практика, в ходе которой, водитель должен, как говорят, «вжиться» в процесс управления автомобилем, привыкнуть телесно, и тогда автомобиль сам научит водителя тому, что иным путем не узнать.

Даже к молотку — в любой из его разновидностей — нужно приспособиться, овладеть приемами эффективной работы. Ну, или, по крайней мере, не попасть себе по пальцу. Так же и со словами любого естественного языка: одна часть смыслов слова зафиксирована в словаре, и они могут быть изучены, другая часть проявляет себя только в практическом применении. Поэтому незнакомое слово мы осваиваем двумя путями: через словарное значение и путем приспособления к его уместному употреблению.

Из сказанного можно ошибочно заключить, что молоток, рояль, автомобиль или столовая вилка, любая вещь. вступает в диалог с пользователем. Похоже на то, но только похоже: вещь в практике ее использования — носитель знания, посредник. Через вещи пользователь вступает в анонимное общение с их создателями. Стул, кресло, табурет по-разному располагают сидящего. Но именно этого хотели творцы этих разных форм. Гоночный и бытовой автомобили «требуют» разных способов их применения. Пассажирский авиалайнер и военный самолет задуманы создателями для разных нужд, и используются по-разному.

Вещи оформлены волей своего времени. Любая сделанная вещь телесно «сообщает» о замысле, втягивает пользователя в замысел ее создателей. Мы

вплотную окружены вещами, которые порождены общим знанием своего времени и в момент использования транслируют его нам.

6. Представления

«Опыт» в любом случае — это действие, взятое с человеческой стороны, в смысле изменений в субъекте, которые необходимо происходят вследствие «сопротивления материала» действию. Только эти изменения имеют смысл для будущего, и они кристаллизуются как знания. Изменения в вещах сами по себе бессмысленны — в буквальном смысле этого слова. Опыт используют для того, чтобы «приобрести опыт», т. е. измениться в знании.

Слова «опыт» и «эксперимент» при некоторых обстоятельствах могут считаться взаимозаменяемыми: «в этой лаборатории проводились интересно задуманные опыты / эксперименты». В других случаях значения этих слов не совпадают, потому что эксперимент производится в рамках специально организованного пространства, тогда как опыт, лежащий в основе общего знания, это опыт естественный и самовоспроизводящийся в неучтенной массе случаев. В котле общего знания царит разнообразие видов и форм, необходимое ради непрерывного обновления и гибкости в применении этих знаний. Некоторые из них являются скорее осведомлённостями, чем знаниями в строго смысле слова, поскольку знать о чем-то не всегда значит располагать знанием смысловой структуры опыта. Например, есть люди, которые знают, что, если черная кошка перебежала дорогу, то это — к неприятностям. Они не знают, откуда у черной кошки такие возможности, но они знают, что последствий встречи можно избежать, если тотчас же три раза плюнуть через левое плечо. В этом случае лучше говорить не о знании, а о представлении. В этом примере речь идет о более или менее распространённом представлении.

Источник общих представлений — общий опыт. Общий опыт, рождающий представления, обычно рефлексивируется на основании его общеочевидного смысла. Во время чумной эпидемии в средневековой Европе распространение болезни связывали с неким ядовитым веществом («пневмой»), выделяющимся из земных недр.

«В основе её лежало вполне здоровое наблюдение о губельности для людей испарений болот и прочих “нездоровых мест”.»⁷

«Здоровое наблюдение» делало представление очевидным, вот и всё. Точно так же представления о плоской Земле, о ее центральном положении относительно Солнца были с очевидностью извлечены из каждодневного общего опыта. Упомянутая выше площадная пизанская демонстрация Галилея, адресованная к общему знанию, апеллировала к общедоступной очевидности. Существует

⁷ *Википедия, n.d.c.*

прямо сейчас много представлений, которые не осознаются современниками из-за их абсолютной очевидности. А те, которые утратили свойство быть очевидными, маркируются и осуждаются как ложные «предубеждения».

Представления бесконечно старше знаний. Многие из них наделены мотивирующей функцией, и в этом состоит их, порой, огромное значение.

В древнеримском фольклоре сохранялась легенда из героического периода республиканского Рима о Муции Сцеволе (её можно прочесть у Тита Ливия)⁸. Этот юноша проник в царскую палатку врага, чтобы совершить диверсию, но был разоблачен. Во время допроса он положил правую руку в огонь печи и не издал ни звука, пока тлела его рука. Очевидная демонстрация мужества и воли произвели такое впечатление на этрусского царя, что побудили его заключить с римлянами почетный мир. Эта легенда, удерживавшая представление римлян о себе, обладала вдохновляющей силой. Иначе она не сохранялась бы в римском общем знании.

Формальная близость представлений и знаний порождает иногда неожиданные сюжеты. Не так давно некая группа выступила с соображениями о том, что Древность — это не историческая эпоха, о которой мы знаем, а представление, порожденное ложной очевидностью⁹.

В котле общего знания представления занимают заметную и важную часть его содержимого. Некоторые из них, как, например, «представление о должном» (идеал), «представление о соотносительной важности» (ценность»), «представление о мере» (приемлемой в том или ином случае) и некоторые другие представления имеют чрезвычайную важность. Они сохраняются как знания, но знаниями в точном смысле не являются.

Генезис представлений, особенно таких рамочных как представления о пространстве и времени мира, о природе и достоинстве человека, о доверии к реальности и т. п. остается исключительно сложной проблемой. В других случаях происхождение «представлений» сравнительно легко выявить, если распознать в них упрощенное заимствование актуального институционального знания. Скажем, успешные космические исследования отразились в общем знании представлениями о «пришельцах из космоса», об НЛО, о желательности колонизации Луны и планет; научная история получила симплификацию в общем знании в виде увлечения, например, «поисками Атлантиды»¹⁰; и не так уж редко аргументы историков способом «симплификации» используют политически¹¹. Фашистская Италия, например, в общем знании обосновывала

⁸ Ливий, 1989, с. 73.

⁹ *Википедия*, n.d.b.

¹⁰ Историк и писатель Дмитрий Володихин назвал это «фолк хистори».

¹¹ Для утверждения, например, полезных дат основания городов или даже стран.

политический экспансионизм представлением о наследовании своего древнеримского прошлого. Представления о «человеческой природе» в котле общего знания часто тоже были, по сути, дегенеративными формами профессиональных знаний. Философская идея универсального Разума свернулась к представлению о разумности животных и разумных инопланетных существах. Дарвинизм был адаптирован в представление о «естественном» праве силы. Умственную деятельность стало модно описывать в «пробирочных» терминах: вместо «я очень рад вас видеть» стало можно сказать «у меня сейчас адский выброс дофамина»¹². Как пишет современный блогер,

«По сути, мы в прямом эфире наблюдали чистую победу гормонов над префронтальной корой головного мозга. Победу эмоций над рациональным мышлением и способностью к планированию.»¹³

Разумеется, представления, основанные на упрощении, фрагментации или символическом переосмыслении в общем знании институциональных источников – это не исключительное свойство нашего времени. Несколько раз, например, средневековое общее знание ожидало наступления конца света, особенно перед 1666 годом по христианскому летоисчислению¹⁴. Инквизиционные преследования XVI–XVII вв., т. н. «охота на ведьм», опирались на устойчивые представления в общем знании жителей Западной Европы и Северной Америки о необходимости повсеместно разоблачать ведьм, тайно заключивших договор с Дьяволом.

Общее знание сразу возникает как коллективное. Модель «один научился и научил других» тут не работает. Например, в СССР цена денег зависела от ситуации их применения. Знание об этом было отражено в пословице «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». После СССР деньги в общем знании заняли место универсального эквивалента. И «все» стали относиться к деньгам по-другому. Поговорка «я люблю не деньги, а то, что они у меня есть» стала общепонятной.

Целый ряд примеров дает история смен парадигм моды, т. е. общего знания о правильной публичной самопрезентации и стандартах красоты в XX веке. И каждая смена была более или менее общей для ее современников.

¹² Дофамин отвечает за создание чувства радости от того, что человек находит что-то нужное ему. Эндорфин отвечает за формирование чувства легкости, способствует наступлению эйфории. Серотонин отвечает за создание чувства уважения со стороны окружающих, окситоцин дает человеку ощущение безопасности.

¹³ Левитас, 2025.

¹⁴ Википедия, n.d.a.

Относительно воспитания детей в общем знании произошла радикальная смена — от общепринятого ранее дисциплинирующего подхода до общепринятого к концу XX века признания прав ребенка.

Все эти и другие перемены в области общего знания происходили под влиянием общих факторов и сразу в общем мнении.

Общее знание и верифицируется не так, как специальное. Основной признак истинности здесь — согласованность. Такие аргументы, как «все так делают», «это всем известно» или ироническое «все побежали, и я побежал» могут указать на основной способ верификации общего знания. «Все» — здесь ключевое понятие, оно чрезвычайно размытое и уязвимое для формальной критики, но в каждом конкретном случае ощущается как неоспоримое.

7. Философия общего знания

Эпохальный сдвиг, содержанием которого была эпоха Возрождения, завершился формированием новой социокультурной системы. В Новое время на вершине институциональной пирамиды утвердилось государство в форме абсолютной монархии. Функции такого государства были сосредоточены в различных областях жизни общества — административной, военной, финансовой, правовой, образовательной и т. д. Но, в отличие от Церкви, «возглавлявшей» Средневековье, абсолютная монархия не идеологична сама по себе. Существование такого государства и в таком государстве нуждалось в новом обосновании. Идею Бога, его проповедников и толкователей его воли заместила идея Разума (высшего, всемирного, абсолютного), его проповедников и толкователей. Новые интеллектуалы (философы) этого времени, взяли на себя разработку общедоступного представления о так или иначе понимаемой разумности Природы — в самом широком смысле, природы государства и природы человека¹⁵. Речь теперь шла об устойчивом и на удивление разумном порядке, который обнаруживался в опыте научного исследования небесной механики, строения растительного и животного мира, систематических закономерностей теплового обмена, статического электричества, химических процессов. Извлечь из этого опыта разумное знание «ясных и простых принципов»¹⁶, необходимых для благополучного человеческого общежития, донести его до людей, убедить в истинности, наполнить ими общее знание (на месте накопившихся «предрасудков и заблуждений») — это была громадная интеллектуальная программа философов Просвещения.

¹⁵ Дидро, 1939а, с. 82.

¹⁶ Дидро, 1939б, с.108.

Их философские занятия состояли в выработке и пропаганде рамочных знаний эпохи. Эти усилия имели огромный успех еще и потому, что были подхвачены искусствами — словесными, изобразительными и даже музыкальным искусством, которое, как оказалось, способно своими средствами выражать разумность мира. В итоге рационализм объединил рамочные представления крупнейших мыслителей века с трезвостью и расчетливостью обывателя, их современника, в его делах и человеческих отношениях.

Общее знание Нового времени гибко следовало за новыми идеями, восходившими под влиянием успехов различных наук и форм общественной практики. Например, в эпоху успехов эволюционизма в науке общее знание глубоко усвоило идею социального прогресса.

Технические и научные обновления к концу XIX века тоже нашли своё отражение в общем знании и стали оказывать мощное влияние на мысли, чувства и воображение людей, при том, что новое далеко не всегда вызывало радость, часто — скепсис и страх. Например, открытие в 1895 году Вильгельмом Рентгеном X-излучения и распространение рентгеновских снимков вызывало и общий восторг, и мистический ужас¹⁷. И первые публичные показы фильмов братьями Люмьер в 1895 году тоже изумляли и пугали публику. По некоторым свидетельствам, при показе фильма «Прибытие поезда на вокзал» люди в панике выбегали из зала, думая, что поезд сейчас выедет прямо на них.

А вот пример из литературного произведения. Описанные события, вероятно, следует отнести к 1920 годам, когда быстрое совершенствование техники стало впечатляющим предметом общего знания даже в канадской провинции.

«Отец тогда сказал: старики где-то подцепили идею, что эта штука в западной части неба, похожая на звезду, — первая, что появляется после захода солнца, — на самом деле воздушный корабль, зависший над городом Бэй-Сити в штате Мичиган, на том берегу озера Гурон. Американское изобретение — американцы повесили его в небе, чтобы оно соперничало с небесными телами. Старики единодушно верили в эту теорию — она укладывалась в их представление о мире. По их мнению, эта штука освещалась светом десяти тысяч электрических лампочек. Отец Розы безжалостно спорил с ними, объяснял, что это планета

¹⁷ Газеты и журналы мгновенно подхватили новость, публикуя сенсационные заголовки и статьи о «волшебных» лучах. В обществе возник настоящий ажиотаж: люди обсуждали это открытие повсюду — на улицах, в кафе, в театрах. Художники и карикатуристы тоже не остались в стороне. Они создавали забавные рисунки, где изображались люди, просвеченные рентгеновскими лучами, с видимыми костями и внутренними органами. Эти карикатуры часто высмеивали моду того времени или общественные нравы, добавляя элемент юмора в общую атмосферу восторга.

Венера, которая висела в небе задолго до изобретения электрических лампочек. Стариками никогда не слышали о планете Венера.»¹⁸

8. Новый ракурс

Полстолетия, посреди которого оказалась Первая мировая война, были временем интенсивного внедрения технических новшеств в повседневную жизнь значительной части европейцев и американцев.

Например, электрическое освещение впервые было представлено изумленной публике на Всемирных выставках в Париже (1881) и Чикаго (1893). А через десяток лет появившиеся электростанции позволили заменить газовые фонари электрическими на центральных улицах больших городов.

В 1860 году в мире было около 110 тысяч км железных дорог. А через полвека их общая протяженность превысила 1,1 млн км¹⁹.

Телефонный аппарат Белла впервые был показан на Всемирной электротехнической выставке в Филадельфии (1876). А через полвека телефония стала практически всеобщей: более 1 миллиона телефонных линий в Великобритании²⁰, около 1,6 миллионов в Германии, около 700 тысяч во Франции и 800 тысяч в Швеции и т. д.

Совершенствование типографских машин (линотип) ускорило печать газет и книг, обеспечило взрывной рост массовых газет. Британская *The Daily Mail* перед Первой мировой войной выходила более чем в 1 млн экземпляров (первая массовая «дешевая» газета)²¹. *The New York World* с 1883 по 1911 год под руководством издателя Джозефа Пулитцера (он был пионером «желтой» журналистики с ее сенсациями, спортом, сексом и скандалами) вышла на ежедневный тираж до миллиона экземпляров²². Согласно данным из статьи в Википедии, в 1890 году тираж парижской *Le Petit Journal* достиг 1 миллиона экземпляров, а к 1895 году увеличился до 2 миллионов, что сделало её крупнейшей газетой в мире на тот момент. Реально круг читателей был ещё

¹⁸ Повесть лауреата Нобелевской премии Элис Манро (1931–2024) «Кем ты себя воображаешь?» была опубликована в сборнике «Ты кем себя воображаешь?» («Who do you think you are?») в 1978 году.

¹⁹ *Знание.Вики*, n.d.

²⁰ “As of March 31st 1928, the UK had: Telephones Stations — 1,643,648, Telephone Kiosks — 23,998, Telephone Exchanges (Manual) — 4,206; Telephone Exchanges (Automatic) — 111; Telephone Calls (Inland) — 1,070,500,000; Telephone Calls (Trunks) — 102,206,596; Telephone Calls (Overseas) — 702,000». Доступно по ссылке: <https://www.britishtelephones.com/histuk.htm>

²¹ *Wikipedia*, n.d.a.

²² *Wikipedia*, n.d.b.

больше, т. к. обычно экземпляр газеты переходил из рук в руки 3–4 человек (членов семьи, соседей, одноклубников и т. п.)

Эти примеры самые броские, но за ними стоит огромный массив аналогичных фактов: других массовых газет, массовых железнодорожных пассажирских перевозок, распространение многолюдных универсальных торговых центров²³, банковских сетей и т. д. Массовость участия — одновременно и результат, и условие беспрецедентного количественного и качественного прогресса систем коммуникации, машинного производства, торговли, обслуживания, развлечений²⁴. Люди впервые в истории оказались пользователями услуг, которыми одновременно с ними пользуется необозримое множество других людей, и они знают об этом. Всё вместе это указывает на совершенно новый пользовательский опыт и порожденные им знания — небывалые и в то же время общие для множества людей.

Этот опыт состоял, во-первых, в овладении новым инструментарием. Масса людей должна была научиться и привыкнуть пользоваться телефоном-автоматом, приспособиться к поездкам в поездах рядом с незнакомыми людьми разных занятий и общественных классов, приобрести грамотность и кругозор, позволяющий понимать газетные статьи, выбирать товары в универмаге, оперировать банковским вкладом и т. д. Этот опыт практических действий был источником общих знаний, часто не вербализуемых²⁵, но ценимых и распространявшихся «из рук в руки» от тех, кто умел — к тем, кто стремился научиться. Подобное можно было наблюдать много позже в эпоху распространения домашних компьютеров: пользователи интенсивно обменивались операциональным (практическими) знаниями, обучая друг друга приемам обслуживания новых тогда устройств и работы с ними.

Во-вторых, с внедрением машинной техники завершился долгий процесс обособления человека от природы. В XIX веке природа всё еще ощущалась как необъятная и полная загадок среда, в которой человек находил себя покоящимся или «в лоне природы», или в борьбе с природой²⁶.

²³ Первые универсальные магазины появились во Франции в середине XIX века. Об этом роман Эмиля Золя «Дамское счастье» (1883).

²⁴ Подробнее об этом см.: Найдорф, 2013.

²⁵ «То, что здесь является предметом обсуждения, лучше всего было схвачено в введенном Марксом понятии практического знания {т. е. в предложенном им варианте понятия экспертного знания). В самом общем виде его мысль такова: у краснодеревщика «практическое знание» о дереве не выражается в терминах *научного знания* о, например, удельном весе или химических свойствах дерева, но проявляется в том, что он знает, как поведет себя кусок дерева в ответ на его усилия по изготовлению какого-нибудь предмета мебели или скульптуры». (Анкерсмит, 2007, с. 167).

²⁶ Маркс & Энгельс, 1962, с. 387.

Поэтика единства человека с природной средой хорошо передана в рассказе Ивана Тургенева «Бежин луг» (1851):

«Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...»

В XX веке отношения человека с природой всё больше опосредуются инструментально. Можно сказать, что техника отделила человека от природы. Но при этом не закрыла, а открыла новые возможности. Глядя в окно поезда, пассажир видел пейзажи такого масштаба, какие иначе они не могли бы предстать перед ним. В романе «Волшебная гора» Томаса Манна есть описание того, как пейзаж открывался «почтительному взору» наблюдателя.

«Он выглянул в окно: поезд полз, извиваясь по узкой расселине; были видны передние вагоны и паровоз, который, усиленно трудясь, то и дело выбрасывал клубы зеленого, бурого и черного дыма, и они потом таяли в воздухе. Справа, внизу, шумели воды; слева темные пихты, росшие между глыбами скал, тянулись к каменно-серому небу. Временами попадались черные туннели, и когда поезд опять выскакивал на свет, внизу распахивались огромные пропасти, в глубине которых лежали селения. Потом они снова скрывались, опять следовали теснины с остатками снега в складках и щелях. <...> Развертывались величественные высокогорные пейзажи с их священной фантасмагорией громоздящихся друг на друга вершин, и тебя несло к ним, между ними, они то открывались почтительному взору, то снова исчезали за поворотом.»²⁷

Эта, создаваемая техникой, дистанция между индивидом и окружением — природным и социальным — с тех пор глубоко укоренилась. В наше время привычным стало видеть туриста, сразу же нацеливающего фотоаппарат на то,

²⁷ Похожее находим у Мопассана. И здесь пассажир-наблюдатель огромной природной панорамы: «Омываемое неподвижным Средиземным морем, расстилается побережье с темными скалами. Тяжкое летнее солнце огненной пеленой ниспадает на горы, на длинные песчаные откосы, на тяжелую, застывшую синеву моря. А поезд все мчится, вбегает в туннели, минуя мысы, скользит по волнистым холмам, пробегает над водой по отвесным, как стена, карнизам, и легкий, нежный солоноватый аромат, аромат сохнувших водорослей примешивается порой к сильному, волнующему запаху цветов» (Ги де Мопассан, «Сестры Рондоли»).

что привлекло его внимание. Или посетителя ресторана, начинающего свою трапезу с фотографирования поданных блюд.

На границе XIX–XX веков новая техника проникала в привычное пространство улиц. Моторы, призванные на службу обычному человеку — трамваи, машины, мотоциклы, доступные горожанам, внушали внезапно чувство небывалого масштаба жизни, вселила человека, Человека вообще — как когда-то на подъёме Возрождения.

В знаменитом «Первом манифесте футуризма» (1909), написанном почти как поэма в прозе, Филиппо Маринетти передает восторг человека, который находит себя овладевающим техникой новой повседневности:

«... И вдруг совсем рядом мы услышали грохот. Это пронеслись мимо и подпрыгивали огромные, все в разноцветных огоньках двухэтажные трамваи. Как будто бы это деревушки на реке По в какой-нибудь праздник, но река вышла из берегов, сорвала их с места и неудержимо понесла через водопады и водовороты прямо к морю.

Потом все стихло. Мы слышали только, как жалобно стонет старый канал да хрустят кости полуразвалившихся замшелых дворцов. И вдруг у нас под окнами, как голодные дикие звери, взревели автомобили.

— Ну, друзья, — сказал я, — вперед! Мифология, мистика — все это уже позади! На наших глазах рождается новый кентавр — человек на мотоцикле, — а первые ангелы взмывают в небо на крыльях аэропланов! Давайте-ка саданем хорошенько по вратам жизни, пусть повывлетают напроць все крючки и засовы!.. Вперед!»²⁸

Новые ракурсы, которые стали возможными благодаря новой технике, порождают новый опыт и новые знания человеком самого себя.

«Я сидел на бензобаке аэроплана. Прямо в живот упирался мне головой авиатор, и было тепло. <...> Внизу дымил трубами Милан.»²⁹

Мир, взятый в новом ракурсе — из поезда, с самолета, из трамвая или автомобиля был странен. Оттуда, из странной встречи с ним, рождался новый и очень эмоциональный опыт. Тот, кто видит свой город с высоты 200 метров, тот узнаёт другим и себя самого. Каким, человек не может объяснить даже самому себе, но он остро ощущает пьянящее обновление вокруг себя и в себе, и увлечен революционным желанием приступить к новой жизни, начать «с чистого листа».

²⁸ Андреев, 1986, с. 158.

²⁹ Андреев, 1986, с. 163.

Спустя десятилетия эта новизна обернулась рутиной. Техника во многом заместила природу в составе окружающей среды, тогда как природа в общем знании стала предметом заботы («охрана природы») и редких свиданий — в специально подготовленных местах. Зато в слове «искусственный» (от искусственных тканей до искусственных спутников и искусственного интеллекта) стали подразумевать высокую степень совершенства.

Об этом писал Николай Бердяев в 1933 году:

«В культуре всегда есть два элемента — элемент технический и элемент природно-органический. И окончательная победа элемента технического над элементом природно-органическим означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее.»³⁰

Культура на наших глазах перерождается во «что-то иное» — в другую культуру, совсем не похожую на ту, которую знал Бердяев.

9. Массовая информация

Знание, понимаемое как извлечение из живого опыта, сохраняется и распространяется для того, чтобы воспроизводить уже построенные процедуры, и оно хранится в форме, пригодной для его передачи — в формульной, или в назидательной, или в живом навыке. В разных сферах деятельности — это знания о том, «как сделать»: например, как вычислить искомую величину, как излечить от данной болезни, как вести судно в море, испечь торт, содержать собаку и т. д. до бесконечности. Кто-то нащупал способ, приобрел живой опыт данного действия, кто-то извлек из этого опыта знания (это может быть один и тот же человек, разумеется), кто-то распространяет это знание среди тех, кто в нем нуждается. Можно сказать, что знание есть в конечном счете знание процедуры: процедуры вычисления, способа ведения лыжной гонки, правил оформления диссертации, приемов борьбы, методов обучения, навыков ремонта автомобиля или пользования «искусственным интеллектом» *ad infinitum*.

В этом смысле «общее знание» — это знание, особенность которого состоит в том, что оно извлечено из общего, а не специализированного (институционального, профессионального) опыта и распространено без условных ограничений. Вот и всё. Между институциональным и общим знанием может происходить обмен. Например, некоторая часть медицинских знаний перешли в состав общего знания (скажем, правила гигиены), и, наоборот, некоторые элементы общего знания по мере нужды в них перетекают в

³⁰ Бердяев, 1989, с. 147.

профессиональную сферу (например, когда психолог или социолог принимает во внимание привычные навыки и убеждения испытуемых).

Общее знание следует отличать от общеизвестной информации: ее знают, но не применяют. В этом различие. Скажем вследствие того, что певица N. объявила в media о своём замужестве, или о своей беременности, или о своем разводе, или о большом концертном турне и т. д., публика узнала что-то для себя новое, и это «новое» — информация, имеющая цель в самой себе.

Да, в части случаев каналы массовой информации сообщают знания, необходимые для соответствующих действий. Это могут быть особые погодные предупреждения. Или инструкции в период эпидемии. Это могут быть сообщения о ракетной атаке в воюющей стране. В этих примерах речь идет о знаниях и соответствующих действиях, необходимых для сохранения жизни и здоровья. Но это, можно сказать, побочная функция массовых media.

Основной поток новостей не дает знаний. И люди чаще обращаются к источникам «массовой информации» не по практическим, а по психологическим мотивам, не за знаниями, а для того, чтобы отвлечься, заполнить паузу в делах, успокоиться, позаимствовать тему для непритязательного общения и т. д. Россыпь новостей, блеснувших единственно в момент их перемещения из настоящего в прошлое, является, однако, одним из самых привлекательных media-продуктов. Это знают профессионалы, которые размещают рекламные блоки впритык перед и тотчас же после выпуска новостей. Но редко кто из обычных слушателей может резюмировать выпуск — сразу, а тем более на следующий день. Media и не стремятся к смысловой организации новостного блока: они сводят в него сообщения, каждое из которых «не знает» о соседнем и претендует на внимание только здесь и сейчас. Причем, смена доминанты от media-ресурсов старшего поколения (радио и телевидение) к сетевым интеграторам новостей мало что меняет по существу. По содержанию — это тот же сборник сообщений, взятых «в моменте». К тому же в нём вымышленные новости выглядят неотличимо от подлинных.

При этих обстоятельствах, как кажется, новости не могут иметь заметного влияния на содержание общего знания. Но все знают, что это не так.

Информация организуются media не в рамках отдельного выпуска, а диахронно — последовательным предъявлением новостей, связанных между собой в цепочки каким-то ключевым признаком — именем, событием, местом и т. п, к которому они относятся. Каждая новость из этого ряда независима, как «вспышка» или картинка, рисующая сиюминутную ситуацию. Однако, благодаря повторам, в общем знании образуются очаги узнавания, которые по типу сериалов вовлекают массу реципиентов чувством коллективной причастности. Например, повторение разрозненных сообщений — достоверных или нет — о разоблаченных шпионах может утвердить в общем знании острые опасения, «шпиономанию».

В культуре должны быть персонажи с функцией героев культуры, должны быть модели пространства-времени, актуальные для данной культуры, нужны языковые средства, способные интегрировать данную общность³¹. Всё это уже более ста лет продуцируют media, создающие непрерывные информационные потоки, содержание которых — рамочные представления о мире, о месте и образе человека в этом мире, вносимые в состав «общего знания».

Певица N., «раскрученная» в media, является публике не как частное лицо, а как медийной персонаж: у неё медийная внешность, медийное поведение, медийные заявления, медийные выступления. Успех медийного лица или события определяется их местом в общем знании — числом и верностью поклонников, готовых отождествить себя с его образом. Персонажи (индивидуальные, групповые, событийные), представленные в медийном поле, всегда густо ценностно окрашены, демонстрируют привязанность к определенным традициям, идеалам, нормам и парадигмам культуры, носителями которой вместе со своей публикой они являются³².

10. Заключительные замечания

*Learning is the process whereby knowledge
is created through the transformation of experience.*

*Обучение — это процесс, в ходе которого знания
создаются посредством преобразования опыта.*

Дэвид Колб³³

Знание — это отрефлексированная часть опыта, которая может существовать отдельно от него как его схема, как оживляемая память о нем. Знание — продукт человеческого труда. Его хранят, передают распространяют как что-то важное, полезное, ценное.

Знания ценятся, потому что позволяют повторить уже состоявшийся опыт, систематически воспроизводить успешную процедуру, если продукт её востребован. Если нет, то знание уходит из жизни вместе с процедурой, забывается³⁴.

³¹ Подробнее об этих универсалиях культуры см.: Найдорф, 2005, 2013b.

³² Эта часть общего знания может быть описана понятием «механизмы культуры» (Найдорф, 2008).

³³ Kolb, 1984, с. 38.

³⁴ Сейчас уже мало кто помнит, как растопить печь, прясть, музицировать дома на классических инструментах или пользоваться логарифмической линейкой.

Институциональное знание обуславливает воспроизводство специального профессионального опыта. Институты заинтересованы в том, чтобы профессиональное знание было по возможности точным и удобным в применении. Поэтому знание в рамках институтов регулярно пересматривают, добиваются ясности и точности формулировок. Типичные формы, в которых обращается специальное знание, — это формулы (математические или словесные), правила, кодексы, инструкции и т. п.

Общее знание — это знание, возникшее как рефлексия в сфере общей жизненной практики. Оно обеспечивает повторность необходимых процедур: уход за телом и помещением, приготовление еды, поддержание отношений, приемы публичного поведения и т. д., — во всех этих и других сферах общей жизненной практики важно, чтобы люди действовали похожим, узнаваемым всеми образом. Так поддерживается упорядоченность общественной жизни.

Общее знание — коллективное по происхождению, способу верификации и модусу существования.

Модус существования общего знания максимально приспособлен для того, чтобы облегчить его использование в жизненной практике. Это:

- 1) общедоступное прямое предписание, выше оно обозначено как «рецептурное» знание;
- 2) программирующие свойства вещей, изготовляемых для человеческого применения;
- 3) живой пользовательский навык (умение), которое передается по традиции из рук в руки в совместной деятельности ³⁵.

Наконец, media. Даже анекдоты и слухи теперь распространяются средствами media.

Решительное влияние средств распространения информации основывается на том, что любое медиа-сообщение сразу получает статус общеизвестного. В котле общего знания, где этот признак — основной для верификации представлений, медиа приобретают безраздельную власть внедрять любые представления как самоочевидные. Это могут быть сведения достоверные, искаженные или вообще выдуманные. Но в случае конкретного опыта его всегда можно проверить, и, в соответствующем случае, опровергнуть ошибочный опыт или ошибочные выводы из него. А то, что сразу получает статус общеизвестного, уже неопровержимо — то, что очевидно всем, защищено от сомнения.

³⁵ Найдорф, 2008, с. 4.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев, Л. (Ред.). (1986). Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. Москва: Прогресс.
- Андреев, П. (ред.) (1986). Называть вещи своими именами (1986). Называть вещи своими именами: Прогр. выступления мастеров запад.-европ. лит. XX в. Сост., предисл., общ. ред. И. Г Андреева. Прогресс.
- Анкерсмит, Ф. (2007). Возвышенный исторический опыт. Москва: Европа.
- Антоновский, А. (2014). Человек познающий. Знание/незнание как универсальная дистинкция и ось социальной дифференциации. Философские науки, (11), 144–149.
- Бердяев, Н. (1989). Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники). Вопросы философии, (2), 147–162.
- Блум, М. (2024). Метаистория западного знания в современную эпоху. Boston / Санкт-Петербург: Academic Studies Press, Библиороссика.
- Вахштайн, В. (ред.) (2006). Социология вещей. Сб. ст. Территория будущего.
- Википедия. (n.d.a). Конец света. *Википедия*, https://ru.wikipedia.org/wiki/Конец_света
- Википедия. (n.d.b). Новая хронология (Фоменко). *Википедия*, https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_хронология
- Википедия. (n.d.c). Черная смерть. *Википедия*, https://ru.wikipedia.org/wiki/Черная_смерть
- Дидро, Д. (1939a). «Природа» во Французской энциклопедии. В Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7). Москва – Ленинград: ГИХЛ.
- Дидро, Д. (1939b). «Человек» во Французской энциклопедии. В Собрание сочинений в 10 томах Т. 7. Москва – Ленинград: ГИХЛ.
- Знание.Вики. (n.d.). Железная дорога. *Знание.Вики*, https://znanierussia.ru/articles/%D0%96%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0#:~:text=%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B8%20%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%20%D0%BA%201850%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%E2%80%94%D0%B6%D0%B5%20107%20935%20%D0%BA%D0%BC.
- Ильин, В. (1989). Критерии научности знания. Москва: Высшая школа.
- Кузнецов, Б. (1968). Пути физической мысли. Москва: Наука.
- Левитас, А. (2025, 19 марта). Почему Зеленскому надо было читать мой блог? Kstati Russian American News and Views. <https://kstati.net/pochemu-zelenskomu-nado-bylo-chitat-moj-blog/>
- Ливий, Тит. (1989). История Рима от основания города. Т. 1, Кн. II. Москва: Наука.
- Малиновский, А. (2022). История и методология юридической науки. Москва: Прометей
- Маркс, К., & Энгельс, Ф. (1962). Сочинения. Т. 25, Ч. II. Москва: ГИПЛ.
- Найдорф, М. (2005). Введение в теорию культуры. Основные понятия культурологии. Друк. https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/main_notions

- Найдорф, М. (2008). К проблеме культурологической терминологии: о механизмах культурной мотивации. Вопросы культурологии, (10), 4. https://countries.ru/library/theory/culturological_terminology.htm
- Найдорф, М. (2013a). Очерки современной массовой культуры. ВМВ. <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/mass-culture?authuser=0>
- Найдорф, М. (2013b). «Герой культуры» в картине мира: к теории культурологического исследования. Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 14(4), 293–304. <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/theory-articles/-geroj-kultury-v-kartine-mira>
- Найдорф, М. (2024). «Эдип-царь» Софокла: к реконструкции культурного контекста. В Человек в культуре. Издатель С. Л. Назарчук. <https://countries.ru/library/ant/aedipus.htm>
- Пономарёв, Я. (1967). Знание, мышление и умственное развитие. Просвещение.
- Розов, М. (1996). Рефлексия и деятельность. В Философия науки и техники. Гардарики.
- Уемов, А. И. (1963). Вещи, свойства и отношения. Изд-во АН СССР.
- Футбольная энциклопедия 2000.* (n.d.). *Футбольная энциклопедия 2000*, <http://football-2000.niv.ru/>
- Birchall, C. (2006). Knowledge goes pop: From conspiracy theory to gossip (Culture Machine Series). Berg. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-270769>
- Boud, D., Keogh, R., & Walker, D. (Eds.). (2013). Reflection: Turning experience into learning. Routledge.
- Gorz, A. (2010). Immaterial: Knowledge, value, and capital. Higher School of Economics.
- Kolb, D. A. (1984). Experiential learning: Experience as the source of learning and development. Prentice Hall.
- Olson, M. (1995). The logic of collective action. FEI.
- Wikipedia.* (n.d.a). Daily Mail. *Wikipedia*, https://en.wikipedia.org/wiki/Daily_Mail
- Wikipedia.* (n.d.b). New York World. *Wikipedia*, https://en.wikipedia.org/wiki/New_York_World
- Yael, B. (n.d.). Brahms' philosophy of post-truth. The Institute for National Security Studies. https://www.inss.org.il/publication/philosophy-of-post-truth/#_edn15